

нежской сказительницы А. К. Барышниковой, хотя, как указывалось выше, о ней довольно подробно говорится во вступительной статье (стр. 39).

В этой статье, рассчитанной на широкого читателя, надо было дать хотя бы приблизительную классификацию русской традиционной сатирической сказки, выделив две основные группы: социальную сатиру, обличающую представителей эксплуататорских классов, и бытовую, осмеивающую общечеловеческие пороки в среде самого крестьянства. При более дробном делении сказок первой группы ярче выявились бы антицарские, антибоярские, антиклерикальные, а подчас и антирелигиозные черты русского фольклора. При развернутом анализе видов сатирической прозы в статье нашлось бы место для характеристики сказок о животных (в рецензируемом сборнике такая характеристика заняла непомерно большое место в комментариях — стр. 399 и 400).

Как уже отмечалось, статья открывается живым рассказом собирателя о знакомстве со сказочником Богатыревым. Но жаль, что далеко не все интересные подробности, рассказанные по другим публикациям автора³, использованы в рецензируемом издании.

Сборник «Русская сатирическая сказка» вызовет интерес у самых различных по культурному уровню и возрасту читателей. Вступительная статья к такой книге должна быть публицистически страстной, не только объясняющей смысл народной сатирической прозы, но и показывающей жизнь фольклора, раскрывающей его общественную функцию. В статье же обидно мало сказано о бытовании русской сатирической сказки. Более того, говоря о белозерском сказочнике В. В. Богданове, Д. Молдавский не приводит очень интересное описание Б. и Ю. Соколовыми манеры исполнения этого крупнейшего мастера⁴. Жаль, что автор не вспомнил о данной А. М. Горьким блестящей характеристике сатирической сказочницы второй половины XIX в. — няньки Горького Евгении, где конденсирована специфика русской сатирической сказки: «По сказкам няньки, — рассказывает Горький, — выходило, что и всё на земле глуповато, смешно, плутовато, неладно, судьи — продажны, торгуют правдой, как телятиной, дворяне-помещики — люди жестокие, но тоже неумные, купцы до того жадны, что в одной сказке купец, которому до тысячи рублей полтины не хватило, за полтинник продал ногойским татарам жену с детьми»⁵.

Хочется пожелать Д. Молдавскому — знатоку народной сатиры — не оставлять работы над этой трудной и благодарной темой. Актуальным было бы издание им тематических сборников, посвященных антиклерикальным и антирелигиозным сказкам, которые дают ценнейший материал для дела научно-атеистической пропаганды.

М. Я. Мельц

Я. Г. Гулямов. *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*. Ташкент, 1957.

Монография узбекского археолога Я. Г. Гулямова посвящена истории возникновения и развития орошения в низовьях Аму-Дарьи. Известна та огромная роль, которую играло орошение в жизни древневосточных цивилизаций. На плодородных берегах великих речных артерий Востока, где географические условия вызвали необходимость и обеспечивали возможность применения ирригации, на основе плужного поливного земледелия возникали древнейшие классовые общества, мощные рабовладельческие государства. Орошение сыграло важнейшую роль и в создании древнего Хорезмийского государства, о чем ярко и убедительно написал автор, излагая конкретную историю ирригации Хорезма в связи с историей его политического и экономического развития. В этом капитальном исследовании Я. Г. Гулямов вскрыл основные причины возникновения и запустения цветущих в древности областей низовьев Аму-Дарьи, связанные с изменением социально-экономических условий и сменой социально-экономических формаций¹.

Одной из важных проблем истории народов Средней Азии является проблема происхождения поливного земледелия. Я. Г. Гулямов исследовал древнейшие этапы развития орошения в Хорезме и, развивая дальше известную схему Д. Д. Букинич и С. П. Толстова², пришел к выводу о том, что «природа первобытного и орошаемого земледелия в странах Востока подчинена общему закону: оно развилось на базе использования затухающих протоков равнинных рек и горных ручьев в двух физико-географических зонах: в предгорьях, где горные ручьи и силевые потоки, приносящие обильный ил, затухают на равнине, отлагая приносимую ими мусть, а также в обра-

³ См., например, очерк Д. Молдавского «За сказкой» в «Ленинградском альманахе», кн. 13, 1957.

⁴ Б. и Ю. Соколовы, Сказки Белозерского края, М., 1915, стр. 32.

⁵ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, М., 1953, стр. 396.

¹ См. также С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 48—56.

² Д. Д. Букинич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, журн «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 110; С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 45.

зуемых ими лиманах в дельтах равнинных рек; и тут и там они снабжают почву таким количеством влаги, которая необходима для произрастания и созревания злаков»³.

Автор на большом археологическом и историко-этнографическом материале проследил зарождение ирригации в дельтовых затухающих протоках Аму-Дарьи и наметил общую схему развития орошения Хорезма: медленную эволюцию от использования амударьинских разливов для охоты и рыболовства в неолитическое время — к примитивному земледелию и скотоводству на затухающих протоках в период бронзы и, наконец, к искусственно орошаемому земледелию на базе мощных магистральных каналов в эпоху классового общества. Резкий перелом в развитии ирригации Хорезма наступил после победы Великой Октябрьской социалистической революции и укрепления советского строя в Хорезме, когда были реконструированы старые и проложены новые каналы, оросившие многие тысячи гектаров плодородных земель (стр. 295).

В своих исследованиях Я. Г. Гулямов использовал обширный круг источников — восточных рукописей, актов, архивных документов — и привлек большой литературный материал. Знакомство с большим количеством археологических памятников Хорезмского оазиса и прекрасное знание рукописных средневековых источников позволили автору подробно описать основные ирригационные системы Хорезма в различные периоды и составить серию гидрографических и исторических картосхем. Особый интерес представляет картосхема расселения узбекских племен в Хорезме в XVII—XVIII вв. (стр. 209), при составлении которой использованы не только рукописные источники, но и значительный историко-этнографический материал — предания и легенды, собранные автором в Хорезме. Последняя глава книги Я. Г. Гулямова посвящена этнографическому описанию народного опыта хорезмских ирригаторов в строительстве мощных оросительных систем, головных, распределительных и водоподъемных сооружений, в способах орошения полей.

Этой книгой автор подвел итоги своих многолетних работ (1936—1950 гг.) по археологическому надзору на ирригационных народных стройках Хорезма, а также при работе в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР (1938—1946 гг.). Во введении автор отмечает, что им не были затронуты новые материалы по истории орошения Хорезма, накопленные экспедицией в последние годы. Нужно сказать, что новые данные полностью подтверждают высказанные С. П. Толстовым в книге «Древний Хорезм» и полученные в работе Я. Г. Гулямова дальнейшее развитие основные выводы по истории древней ирригации. Однако некоторые частные положения, высказанные в монографии Я. Г. Гулямова, могут быть уточнены и исправлены в соответствии с новыми материалами, полученными благодаря широкому применению аэрофотограмметрических методов исследования и проведению археолого-топографических изысканий.

Освещая зарождение и развитие ирригации в правобережном Хорезме, автор отводит большую роль разливам Су-Яргана (стр. 47, 93, 97). Проведенные недавно с участием известного геоморфолога А. С. Кесь археологические и географические работы Хорезмской экспедиции показали, что незначительное по ширине и свежее по своему строению русло Су-Ярган не могло быть источником для мощных античных оросительных систем. Оно появилось значительно позднее. Древнейшие же ирригационные системы брали свое начало в боковых протоках верхней акчадарьинской дельты, от которых сохранился веер полос такыровидных суглинков и скопления песков⁴.

Описывая раннесредневековую ирригацию в окрестностях Куня-Ургенча (Гурганджа), автор высказывает предположение, что русло Дарьялыка образовалось лишь во времена монгольского нашествия (стр. 167). Данная гипотеза находится в резком противоречии с фактами геоморфологии этого старого русла (разработанность русла, меандры и т. п.), а также с археологическими данными: на берегах Дарьялыка зафиксирован ряд античных памятников (Дэв-Кескен, Каладжик-баба, Курганча-кала) и оросительных каналов⁵, что указывает на функционирование Дарьялыка в более раннее время.

Я. Г. Гулямов довольно подробно останавливается на описании окрестностей бугра и крепости Джанбас-кала. По его мнению, основная масса населения в античную эпоху жила не в крепости, а в обширном поселении, которое располагалось на равнине у подножья возвышенности. На этой равнине прослеживаются каменные выкладки, образующие многоугольные планировки, принятые автором за фундаменты зданий. В 1957 г. они были подвергнуты Хорезмской экспедицией специальному обследованию, в результате которого установлено, что планировки — агроирригационного происхождения и образуются валами с каменными и керамическими выкладками, представляющими собой, вероятно, остатки акведуков. Поля покрыты мощным слоем

³ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат докторской диссертации, Ташкент, 1949, стр. 9—10.

⁴ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 39.

⁵ Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.), Труды Хорезмской экспедиции, т. III, М., 1959, стр. 35, 36.

мелко битой античной керамики, вывезенной вместе с культурными остатками из Джанбас-калы. По всей территории встречаются обломки средневековых сосудов (IX—X вв.); особенно много их на грядах виноградуников в юго-восточной части этого комплекса, где была обнаружена керамическая печь, датированная, на основании шурфа, IX—X вв. Таким образом, гипотеза Я. Г. Гулямова о большом кангюйском поселении у подножья Джанбас-калы не получила подтверждения.

По мнению Я. Г. Гулямова, большие магистральные каналы в Хорезмском оазисе появляются непосредственно вслед за культурой городищ VI—III вв. до н. э. (стр. 76), т. е. в так называемый «кангюйский период». Археолого-топографические изыскания выявили ряд больших раннеантичных магистральных систем, датируемых архаическим периодом (VII—IV вв. до н. э.)⁶, что подтверждает сделанный С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме» вывод о строительстве основных ирригационных систем Хорезма в ахеменидское время⁷.

Несмотря на спорность некоторых выводов автора, труд Я. Г. Гулямова имеет очень большое значение для решения многих вопросов истории материальной культуры среднеазиатских народов. Он содержит ценные археологические и этнографические материалы, которые уже широко используются в обобщающих работах по истории и этнографии Средней Азии⁸.

Б. Андрианов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Etnografia Polska», т. I, Wrocław, 1958.

В 1958 г. вышел в свет первый том периодического издания «Польская этнография» — печатного органа IV (этнографического) отдела Института истории материальной культуры Польской Академии наук (ИИМК ПАН). Главный редактор издания — проф. Витольд Дыновский. Первый том подготовлен к печати членом редакционной коллегии д-ром Анной Кутшей-Пойнаровой. В небольшой редакционной статье сформулированы основные задачи издания «Польской этнографии»: публикация исследований культуры и быта польских рабочих и крестьян, исследований проблем этногенеза и этнической истории поляков, отчетов о научной деятельности этнографических учреждений страны, рецензий и хроникальных заметок, а также статей по этнографии различных народов мира.

На страницах первого тома «Польской этнографии» подняты интересные дискуссионные вопросы, касающиеся определения крестьянской традиционной культуры и предмета этнографии. Первому вопросу посвящена статья проф. Казимежа Добровольского «Крестьянская традиционная культура» (стр. 19—33), являющаяся частью подготовляемого им обширного труда о теоретических и методологических основах польской этнографии. Статья написана на полевых этнографических материалах, собранных автором преимущественно в южных районах Малой Польши и относящихся к XIX—XX вв. Автор использовал также литературные и архивные источники.

В статье дано определение традиции, под которой К. Добровольский понимает любое культурное наследство, полученное от прошлых поколений. Он считает, что классические традиционные культуры сохраняются у так называемых примитивных народов, не знающих письменности. Эти культуры не испытали большого влияния более высоких культур, и в настоящее время их становится все меньше. По его мнению, в эпоху феодализма в Европе возникли крестьянские традиционные культуры, как результат классовой дифференциации населения. Факторами, благоприятствующими складыванию этих культур в Европе, автор считает занятие земледелием при низком уровне развития производительных сил (натуральное или полунатуральное хозяйство, примитивная техника труда и т. п.) и стабильность населения деревень. Патриархальный строй и тяжелое экономическое положение крестьянских семей способствовали

⁶ С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVI, М., 1957, стр. 7; С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 112.

⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 45.

⁸ См.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 36—37; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 27.